

Раздел 3

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

С. В. Голикова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЬИ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Объявление 2008 г. *годом семьи* призвано не только помочь этому важнейшему социальному институту материально, но и усилить общественную рефлексию по поводу перспектив его развития. Подобное начинание властей было ответом на озабоченность граждан кризисным состоянием института семьи. Такая постановка вопроса подразумевает, что когда-то ранее она не была в кризисе или негативные тенденции были выражены не так ярко. В обоих случаях происходит апелляция к истории. Задача историков — обеспечить общественное мнение надежными ориентирами в обширном море литературы по данной тематике. Однако этой профессиональной корпорации свойственна разногласия мнений в данном вопросе.

Основными типологическими показателями семейного строя являются *численный и структурно-поколенный состав семей*. Изменения в структуре и численности семьи влияют на ее форму и отношения ее членов, поэтому предпосылкой любого конкретно-исторического исследования семьи является характеристика ее типологии¹. Чаще всего этот этап исследования представлен в работах эксплицитно. Авторы либо не считают нужным «теоретизировать» при изучении конкретного вопроса, либо объясняют используемые ими понятия не в полном объеме. В результате читатель сталкивается с многообразием терминов, обозначающих структурные образования семьи: *малая, большая, неразделенная, нукле-*

арная, полная, неполная, сложная, простая, индивидуальная, моногамная, стеблевая, разветвленная, расширенная и т. п. Типичным примером «выдергивания» терминов из типологий семей, основанных на разных принципах, может служить работа А. А. Люцидарской. При описании семейного строя старожилов Сибири XVII — начала XVIII в., не давая определений, она использует такие названия семьи, как малая, сложная, большая неразделенная, братская, отцовская, нуклеарная².

Одной из причин существования подобного терминологического разнообразия является, по-видимому, изучение семьи специалистами разных наук. Анализируя объект с определенных точек зрения, они в различных терминах фиксируют информацию о нем. Так, семья является традиционным объектом изучения этнографов, которые в первую очередь уделяли внимание архаическим формам семьи и соответственно этому разрабатывали ее терминологию³. Приступив к изучению семьи, историки использовали опыт, накопленный смежной наукой⁴. Параллельно возникла типология семей применительно к целям исторического исследования. В качестве примера можно сослаться на обоснование терминов «неразделенная» и «большая» по отношению к семье в работах В. А. Александрова и М. Б. Свердлова⁵. Нельзя также не учитывать опыт демографов, которые разрабатывают классификацию семей с точки зрения воспроизводства населения⁶.

Сложность самой семьи как объекта изучения тоже порождает большое количество разных терминов. Некоторые историки, не употребляя их, стараются перечислять состав семей по *структурным элементам*. В реальной жизни существовало много комбинаций семейных структур, для классификации которых В. А. Александровым была предложена схема-таблица, на основе которой Е. Н. Бакланова (Швейковская) разработала еще более подробную схему⁷. Этот прием оказался эффективным, и таблицы о структуре семей имеются почти в каждой работе, им посвященной.

Накопленный при решении данной проблемы опыт свидетельствует, что наиболее распространенные типологии семьи (как и многих других объектов) построены по структурным признакам. Структура — способ организации связей между элементами и характер их взаимоотношений — относится к понятиям *системного подхода*. По наблюдениям О. А. Ганцкой, термин «система» в исследованиях, посвященных семье, «упоминается редко, но почти всегда рассматриваются ее структура, типы», что делает возможным применение к ней общей теории систем и системного анализа⁸. В обыденном употреблении слово «семья» подразумевает какую-то конкретную реально существующую группу, которую можно изучать как «совокупность тесно взаимосвязанных систем отношений разного порядка», прежде всего родственных: «рассматривая род-

ство как универсальный феномен, присущий всем обществам, исследователи семьи выделяют элементы этого понятия», в том числе «тип конкретных семейных единиц, характерных для данного общества и данной эпохи»⁹.

Используя понятия «тип» («подтип»), «форма», «вид», «стадия» семьи, авторы конкретно-исторических работ, как правило, не раскрывают их содержания. *Типами* обычно называют все группы семей, выделенных из их множества по разным признакам¹⁰. Следовательно, типы семьи могут быть разными, а деление на типы зависит от целей конкретного исследования. Так, этнографы распределяют семьи по брачным парам на простые и сложные, по отношениям между родственниками на авторитарные и эгалитарные¹¹. Принципы типологии семей в демографии — формы брака, число поколений и супружеских пар¹². Определения формы, вида, стадии семьи в литературе отсутствуют.

Таксонометрические понятия для создания типологии семей каждый автор выбирает сам. Некоторые обходятся термином «форма» семьи¹³. Другие используют два термина: «форма» и «тип». Ряд авторов ставят на первое место типы семей, которые затем подразделяют на формы¹⁴. Иные считают более общим понятием форму семьи, а затем уже ее тип¹⁵. Иерархия типов и форм семьи может дополняться переходными элементами. Так, традиционное разделение семей на большие и малые представляется В. В. Соловьеву недостаточным: «в реальной жизни существовало множество типов той и другой формы, наряду с переходными типами от малой к большой семье»¹⁶. Каждый тип семьи, по мнению С. Н. Абашина, включает в себя множество форм семьи, «достаточно принципиально отличающихся друг от друга характером внутрисемейных отношений», а наряду с ними существует «значительное число «промежуточных» форм, которые нельзя отнести однозначно ни к одному типу»¹⁷. Намного реже употребляются вместе термины «форма» и «вид», «тип» и «стадия». Так, в автореферате В. В. Соловьева приведено следующее соотношение понятий «форма» и «вид»: «...существует две формы индивидуальной моногамной семьи, в каждой из которых два ее вида». Этими же понятиями пользовался В. А. Александров¹⁸. Я. Н. Щапов считал, что малая и большая семья являются типами, у которых есть переходные стадии¹⁹. Выражение «стадии в смене форм семьи» используется И. В. Власовой²⁰. Изучая «движение» основных типов и форм семьи, С. С. Крюкова в «конкретной классификационной схеме» «в соответствии со структурно-поколенными особенностями» внутри типа «неразделенная» семья выделила четыре подтипа: 1) отцовская, 2) братская, 3) дядья-племянники, 4) смешанная²¹.

Типологии могут быть основаны на разных принципах, поэтому вопрос об отнесении тех или иных семей к какому-либо типу решается

неоднозначно. То содержание, которое один автор вкладывает в понятие малой семьи, может не совпадать с содержанием этого же понятия у другого автора. В подобной ситуации для сопоставления результатов необходим тщательный анализ терминов. (Как это, к примеру, пришлось делать В. А. Александрову с материалами А. И. Копанева по семье Русского Севера²².)

Начало структурным исследованиям русской семьи положила этнографическая наука. «Дискуссии о дальнейшем пути русской общины, — отмечает С. С. Крюкова про вторую половину XIX в., — явились предпосылкой для формирования мнения о преобладании в русской дореформенной деревне большесемейной организации в качестве некой статичной формы, носившей характер универсальной константы». Важнейшее явление тогдашней российской действительности — участвовавшие разделы крестьянских семей — трактовалось именно с таких позиций. «Споры вокруг семейных разделов, развернувшиеся в периодической печати в 70—90-е гг. XIX в., — пишет исследовательница, — послужили поводом для интерпретации типологического развития крестьянской семьи как эволюции от большой патриархальной семьи к малой. Согласно взглядам большинства исследователей, в пореформенный период происходил необратимый процесс перехода от сложной формы семьи к простой...»²³

Интерес к исследованиям семьи у историков возник в период формирования нового научного направления — *социальной истории*. Именно тогда семью стали рассматривать как социальный институт и одновременно малую социальную группу и называть основой общества. «Социально-структурный историк, — писал лидер Кэмбриджской группы Питер Ласлет, — должен начать свое описание с того же, с чего его начинает антрополог или же социолог, а именно с размеров, структуры и функций семьи в анализируемом обществе. Затем должна быть рассмотрена система родства, далее географические, экономические, религиозные и интеллектуальные отношения, образующие в совокупности социальную общность... Только после этого — и в этом состоит основное отличие практики социально-структурного историка от историка традиционного — он займется политическими институтами и самим государством»²⁴. Подобный подход, как показал В. А. Александров, нашел широкое применение в исследованиях, посвященных Древней Руси. Предлагая собственную интерпретацию истории древнерусского общества, историки не могли пройти мимо вопроса о сущности семьи того периода и так или иначе высказывались по этой проблеме. Большинство авторов, оперируя терминами «большая» и «малая» семья, признают тем самым сосуществование наряду с малой семьей на протяжении всего периода (или на определенном его этапе) «большой» семьи, «большой патриархальной»

семьи, «большой семейной общины». Исключение составляет Ю. М. Рапов, который считал, что семья того времени была только малой²⁵. Столь же категорична В. И. Горемыкина, признавая разнообразие семейных форм от домашней общины до малой семьи с Древней Руси до начала XX в.²⁶

Данная тема долго оставалась предметом дискуссии и превратилась в самостоятельный раздел изучения. Различие во взглядах в большей мере наблюдалось по вопросу о соотношении большой и малой семьи. А. А. Зимин, М. О. Косвен, И. Я. Фроянов считали основой общества и наиболее распространенным явлением «большую семью»²⁷. С. В. Юшков, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, М. Б. Свердлов признавали основной формой, наоборот, малую, а наряду с ней в форме пережитка или в полу-разложившемся виде вплоть до XIX в. — большую²⁸.

Второй вопрос, по которому имелось расхождение мнений, — содержание понятия «большая» семья. Многие авторы считают, что большая семья, из которой в свое время появилась малая, и большая семья, существовавшая наряду с ней до XIX в., — это одно и то же явление. На принципиальной разнице между ними настаивает М. Б. Свердлов. Для обозначения более позднего образования он ввел термин «неразделенная семья»²⁹. По его мнению, большая патриархальная и неразделенная — это стадийно и типологически различные семьи. Патриархальная семья была этапом перехода к формирующейся малой семье. Неразделенная семья существовала в период господства малой семьи и регенерировалась на ее основе. Патриархальная семья — институт распадающегося родоплеменного строя и следствие неразвитости производительных сил, неразделенная семья — продукт феодального общества, она создается в целях стабильности совместного владения. Аналогичных взглядов придерживается также И. В. Власова, которая относит неразделенные, складнические, договорные семьи, встречавшиеся у русского населения Урала, Поволжья в XVI—XVII вв., Сибири с конца XVI—XVIII в. и даже в XIX — начале XX в., к «вторичным» образованиям (а также формам) большой семьи. Повторяемость этих стадий в различные эпохи, по ее мнению, «необязательно свидетельствует об устойчивости традиций (в наличии той или иной формы семьи), а скорее об их вторичности, так как вторичные формы любого явления возникают в условиях, не сходных с теми, в которых сложились первоначальные архаические формы»³⁰.

И. Я. Фроянов видел в неразделенной семье только переходную форму большой семьи, которая, по его мнению, также существовала в этот период. Дифференцированно подходу к структуре большой семьи и выделяя из ее состава семьи, состоящие из родителей с женатыми сыновьями и внуками, он называет их «неразделенными»³¹.

Как считает Н. Л. Пушкарева, при «сосуществовании разных типов семейной организации» необходима большая осторожность «в выводах о преобладании того или иного из них». По ее наблюдениям, «развитие семейно-брачных отношений от большой семьи VI—VII вв. к экономически и юридически самостоятельным малым семьям XI—XII вв. не вызывает сомнения у большинства исследователей»³².

Таким образом, уже в Древней Руси одновременно существовали семьи с разной структурой. Чаще всего авторы акцентируют внимание на следующих из них: супруги с неженатыми детьми, родители (вдовы) с женатыми и неженатыми детьми и внуками, семьи с боковым родством, состоящие из женатых братьев или дядей с женатыми племянниками, и более сложные семейные коллективы. Подобное деление остается актуальным для работ по истории семьи XV — начала XX в. В результате сопоставления шести основных структур семьи с терминами, употребляемыми различными авторами, выявляется пять разных позиций, зависящих от содержания терминов «малая», «неразделенная» и «большая» семья.

- Ряд авторов понимают под малой (или простой) семьей *супругов или одного из них с неженатыми детьми*. Другие расширяют это понятие, включая в состав малой семьи вдову или вдовца с женатым сыном и внуками, а также родителей с женатыми и неженатыми сыновьями и внуками. Соответственно этому сужается понятие «большая» (сложная) семья. При столь «широком» толковании малой (простой) семьи не совсем понятен принцип ее выделения из их совокупности. Если же считать, что малая (простая) семья включает только одну супружескую пару, а к большой (сложной) относить семьи, где более одной супружеской пары, то подобное разделение будет вполне объективным. Правда, этот критерий, носит в значительной степени демографический характер и, возможно, поэтому учитывается не всеми историками.
- Сложные по структуре семьи принято делить на *отцовские* (родители с их женатыми и неженатыми детьми и внуками), *братские* (несколько женатых братьев) и *более сложные образования* (дяди с женатыми племянниками и семьи с более сложной структурой), которые получают иногда названия «сложные неразделенные семьи», «осложненные боковым родством семьи». Самые сложные по структуре и к тому же многочисленные семьи называют «гигантами», «печищем», «большими», «следами большесемейных общин».

Содержание термина «неразделенная семья» в литературе сильно варьируется. Под ним понимают только отцовские семьи; отцовские и братские; отцовские, братские, сложные (дяди с женатыми племянниками); наконец, этим термином может обозначаться вся совокупность се-

мей со сложной структурой, иногда исключая только «гиганты» или «печища». От того, что включать в понятие «неразделенная семья», зависит содержание термина «большая семья». Оно также могло вобрать в себя все сложные семьи (тогда название «неразделенная семья» не употребляется), в соответствии с расширением понятия «неразделенная семья» рамки «большой семьи» сужаются, и наоборот.

Если попытаться определить место неразделенной семьи в общепринятой разбивке семей на малые (простые) и большие (сложные), то оказывается, что этот термин или занимает промежуточное положение между ними, или вытесняет название «большая семья» и употребляется вместе с ним как синоним. В зависимости от этого одни авторы делят всю совокупность семей на две части (*малые и большие*), а другие — на три (*малые, неразделенные, большие*). При двухчастном делении разные авторы делят семьи на малые и большие неодинаково: встречаются два варианта, разница между которыми зависит от неустойчивости границы термина «малая семья». При трехчастном делении содержание терминов также неоднозначно. В большинстве случаев варьируются рамки между неразделенной и большой семьей.

Названия, которым авторы отдают предпочтение при обозначении семьи, тесным образом связаны с их представлениями об ее эволюции. В зависимости от того, какая семья — большая (сложная) или малая (простая) — принимается за основу эволюции семейного строя, исследования ее истории более позднего периода делятся на два направления. Первое восходит к представлениям второй половины XIX в. и может быть условно названо *этнографическим*. Оно рассматривает развитие семей с точки зрения изменений, происходящих внутри большой семьи. Эволюция семьи с подобной позиции принимает линейный однонаправленный характер. Как пишет Л. С. Ефремова, по мере развития общества происходит переход от множества форм к их единообразию — к малой семье³³. На первом этапе этого перехода большая семья, являясь «пережитком», тем не менее превалирует над малой. Второй этап начинается чаще всего в конце XIX в. (в отдельных районах раньше)³⁴. С этого времени малая семья превалирует, преобладает над большой семьей, продолжая существовать в виде «пережитка» и «разлагаться». Происходит «консервация большесемейных отношений», которая является характерной особенностью развития семейного строя³⁵. Возникновение малой семьи рассматривается только как результат процесса «разложения» большой.

Условия, сформировавшие второе направление (как за рубежом, так и в отечественной историографии), образно описал американский исследователь Э. Шартер: «Социологи, которые первыми стали заниматься историей семьи, взяли дурную привычку раз и навсегда исходить из гипотезы,

согласно которой до промышленной революции семьи были организованы как настоящие кланы или, по крайней мере, всегда были значительно “расширенными”. Так как одной капли исторических знаний было достаточно, чтобы убедиться в ошибочности этой гипотезы применительно к европейскому обществу, начиная с 1960-х годов... под громкие возгласы восхищения стали открывать нуклеарную семью на каждом повороте истории... Авторы впали в противоположенную крайность, они стали утверждать, что повсеместно и во все времена практически преобладала супружеская семья. Таким образом, они пришли к тому, что создали свою собственную фантастическую гипотезу: нуклеарная семья как историческая константа»³⁶.

Достижением второго (*исторического*) направления стал иной подход к созданию типологии семьи. Выявление региональных особенностей на протяжении длительного хронологического периода — так сформулировал его В. А. Александров³⁷. Как считает М. В. Гришкина, соблюдение этого условия также позволит не принимать особенности за явления общего порядка³⁸. Первым результатом внимания к развитию семьи в различных регионах страны стало обнаружение однотипного явления при колонизации новых территорий: заселение начиналось малыми семьями, которые впоследствии разрастались до больших, а затем снова дробились на более мелкие. Процесс повторялся с завидным постоянством, когда речь заходила об освоении Среднего Поволжья, Приуралья, Урала, Сибири, Кубани и Терека. Видимо, эта модель развития семьи в необжитых районах была выработана еще в центре европейской части страны³⁹. В 1981 г. В. А. Александров показал, что окраины в этом отношении мало чем отличались от прочих мест. «Если рассматривать неразделенную семью архаическим, то есть постоянно существовавшим пережитком первобытного строя, — рассуждал он, — то придется признать параллельное и самостоятельное существование как малой, так и неразделенной семей вне их генетической связи. Такое явление в сельской среде, так сказать, на одной деревенской улице было бы странным и невероятным. Повсеместно длительное и преобладающее бытование малой семьи не вызывает сомнения, поэтому ее существование не могло быть результатом распада большесемейных форм в рассматриваемое время. Представляется очевидным иной процесс — создание неразделенных семей на основе малых и затем их раздел на те же малые»⁴⁰.

В историографии описанная В. А. Александровым генетическая связь между малой и неразделенной (или большой) семьей получила название пульсации семей. О характере такой «пульсации» существуют разные мнения. В. А. Александров с самого начала подчеркивал систематическую регенерацию неразделенной семьи на базе малой. По его представлению, история неразделенных семей как вторичных образований свиде-

тельствует об их подчиненности малой семье. Тем более что существуют они относительно короткое время, затем распадаются. Такой же точки зрения придерживаются В. В. Соловьев и А. А. Столяров⁴¹. Совершенно противоположные воззрения у демографа А. Г. Вишневецкого. Он считает, что базой для изменений, наоборот, являлась неразделенная семья⁴².

Включение российской семьи в более широкий европейский контекст является заслугой зарубежной историографии, в которой начиная с 1970-х гг. был осуществлен ряд широкомасштабных сравнительных проектов. Из конкретно-исторических исследований можно назвать работы Петера Ццапа (Peter Czapp jun), посвященные семье крепостных крестьян поместья Мишино Рязанской губернии в первой половине XIX в.⁴³, труды Стивена Хока (Steven Hoch), изучавшего также крепостных села Петровского Тамбовской губернии⁴⁴, и анализ материалов третьей ревизии (1762/1763) в Ярославском уезде, предпринятый Михаэлем Миттерауером (Michael Mitterauer) совместно с Александром Каганом (Alexand Kagan)⁴⁵. Все эти сочинения объединяет использование типологии семьи, предложенной Питером Ласлетом. Она состоит из семи типов, обозначаемых цифрами, каждый из которых имеет подтипы, обозначаемые латинскими буквами. Среди первых выделяются простые, расширенные, многоячейные, «корневые» семьи и семьи-братства⁴⁶. Зарубежные ученые отмечают значительную долю сложных (больших) семей у жителей центра страны и называют ряд отличий российской семьи от европейской. Особенный интерес в этом отношении представляют публикации М. Миттерауера и А. Кагана. По их мнению, основополагающим структурным принципом семьи в России является «патрилинейность» (исключающая формирование ее состава за счет родственников «по женской линии»). В «иерархии авторитетов» (*Autoritaetsierarchie*) здесь строго соблюдался принцип сеньората (большинство оставалась в руках старшего по возрасту до его смерти, а не до потери трудоспособности, и престарелые родители не выделялись от основного домохозяйства в специальный «отдел»). Вступив в брак, молодая супружеская пара инкорпорировалась в состав уже имеющейся родительской семьи, а не образовывала собственную. Таким образом, более низкий по сравнению с Западной Европой брачный возраст был тесным образом связан с образцом мультилокальной сложной семьи. В 1983 г. П. Ласлет разделил европейский континент на основании этих же различий в моделях брака, формах семьи, родственных и трудовых отношений на четыре сектора: 1) западный и северо-западный, 2) средний, 3) средиземный и 4) восточный. Российская семья была отнесена им к последнему⁴⁷.

С. Н. Абашин предлагает поставить вопрос «о доверии к самой процедуре типологизации семейных структур», а именно к «традиционной схеме анализа», под которой он понимает оппозицию «большой/малой»

семьи. В его рассуждениях также прослеживается взаимосвязь между типологией семьи и ее эволюцией. Имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал о жизни семьи, по мнению данного автора, невозможно жестко привязать только к двум ее типам и «втиснуть» в рамки подобных типологий. «При такой интерпретации природы семейных отношений, — рассуждает С. Н. Абашин, — сама постановка вопроса о том, увеличивается ли доля “больших” или “малых” семей или уменьшается, является по меньшей мере спорной. Историю развития семей можно рисовать тогда не только в рамках оппозиции “большая/малая” семьи, но и в рамках других оппозиций — например, просто “малая” семья и “малая” семья с “другими родственниками” (“псевдобольшая” семья). Оппозиция «большая/малая» семья, как и любая другая такого рода оппозиция... не является принципиальной»⁴⁸. Предложенный подход — расширение набора оппозиций — не снимает проблемы «оппозиционности» мышления при решении вопроса об эволюции семьи, а скорее его усиливает.

Между тем существует действительно альтернативный жестко иерархичным, основанным на оппозиции традиционным построениям подход к созданию типологии семьи. Речь идет о концепции *жизненного цикла семьи*, которая исходит из признания того, что любая семья может постоянно менять свою структуру. Демографический энциклопедический словарь определяет жизненный цикл семьи, или семейный цикл, как последовательность существенных в социальном и демографическом отношении состояний, в которых находится семья с момента ее образования до того, как она прекратит свое существование⁴⁹. Различные структуры семьи, которые называют типами (подтипами), формами, видами, и есть эти «существенные состояния». Разбивка всей совокупности семей на ряд групп (обычная процедура установления типологии семьи) при этом дополняется распределением этих же групп как бы «по вертикали», давая срез изменений структуры семьи. Поэтому различные типы семьи — это этапы, фазы, стадии ее жизненного цикла. (Описанная В. А. Александровым «пульсация семей» есть не что иное, как частный вариант ее жизненного цикла.)

При данном подходе в основу типологии семьи положены явно не иерархический и не оппозиционный принципы. Создав ее для летско-лузских коми в первой половине XIX в., В. В. Соловьев отметил следующее: «Все типы в таблице расположены в порядке усложнения и обнаруживают преемственность друг с другом. Как правило, в течение одного поколения происходила эволюция семьи из одного типа в другой: после появления новорожденных, женитьбы взрослых сыновей или смерти представителя старшего поколения. Малая семья, разрастаясь, превращалась в большую отцовскую семью... Типы этой подгруппы после смерти

лиц старшего поколения превращались в семьи бокового родства, чаще всего в тип “женатые братья с холостыми (или женатыми) детьми”, так называемые “братские семьи”». Общее развитие семьи, по мнению данного автора, шло в направлении усложнения структурного состава «от семей прямого родства к семьям бокового родства», хотя, по его же замечанию, «все крестьянские семьи так или иначе развивались: одни семьи разрастались, другие семьи по ряду причин могли сокращаться в своих размерах, третьи — разделялись»⁵⁰.

Когда в отечественной историографии было признано, что семейные структуры чрезвычайно подвижны и обладают исключительной способностью к переходу от одной формы к другой даже в пределах одного поколения⁵¹, встал вопрос о причинах таких изменений. Длительность пребывания семьи в том или ином состоянии зависит от демографических факторов (рождение, смерть, брак) и этнических традиций (например, условия проведения разделов), а в конечном итоге — от социально-экономических условий. На примере удмуртской семьи конца XVII — первой половины XIX в. М. В. Гришкина показала, что в зависимости от изменения этих условий более заметными становились процессы распада сложных структур семьи (и больше появлялось малых семей), либо процессы их регенерации⁵².

Впервые и наиболее полно этот механизм функционирования русской семьи второй половины XIX — начала XX в. был описан А. В. Чаяновым⁵³.

Анализ литературы показывает, что суждения о типологии и эволюции семьи с древнерусского периода до начала XX в. — это различные толкования связей между шестью типичными структурами семьи, которые можно объединить понятием *типичный жизненный цикл русской (российской) семьи*. Согласуясь с природой семьи, концепция жизненного цикла семьи — готовый ключ к любой ее типологии, поэтому она снимает сам вопрос о типологизации семейных структур и четко ставит проблему эволюции семейного строя. При чтении текстов по истории семьи не всегда ясно, идет ли речь о процессе развития (функционирования), на который способна любая семья, или о процессе эволюции семьи. Между тем с биологической точки зрения вопрос является решенным. Отдельная особь эволюционировать не может, но своим развитием может внести вклад в общую эволюцию благодаря связям процессов онтогенеза и филогенеза. В фамилистике об эволюции семьи с подобной точки зрения написано очень мало. Она не сводится к модернистской, прогрессивистской схеме перехода от большой семьи к малой, от сложной к простой, от патриархальной к индивидуальной нуклеарной.

- ¹ См.: *Крюкова С. С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 36, 38—39.
- ² См.: *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: Ист.-этногр. очерки, XVII — начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 90—97.
- ³ См.: *Этнография восточных славян: Очерки традиц. культуры.* М., 1987. С. 361.
- ⁴ См.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 28.
- ⁵ См.: *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. М., 1984. С. 61; *Свердлов М. Б.* Семья и община в Древней Руси // *История СССР.* 1981. № 3. С. 105.
- ⁶ См.: *Волков А. Г.* Семья — объект демографии. М., 1986. С. 35.
- ⁷ См., в частности: *Соловьев В. В.* Структура и численность крестьянской семьи летско-лузских коми в первой половине XIX в. (по материалам ревизских сказок) // *Вопросы социально-экономической истории Коми края. Эпоха феодализма и капитализма. Труды института языка, литературы и истории.* 1980. Вып. 23. С. 37.
- ⁸ *Ганцкая О. А.* Семья: структура, функции, типы // *Сов. этнография.* 1984. № 6. С. 17.
- ⁹ *Пушкарева Н. Л.* Русская семья X—XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // *Сов. этнография.* 1996. № 3. С. 64.
- ¹⁰ См.: *Ганцкая О. А.* Указ. соч. С. 19.
- ¹¹ См.: *Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы.* М., 1987. С. 7.
- ¹² См.: *Волков А. Г.* Указ. соч. С. 35.
- ¹³ См., например: *Горелов В. А.* Структура и численный состав семьи по материалам Братского и Нижнеилимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.* Ч. 1. Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 96; *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: (Горожане, их общественный и домашний быт). М., 1978. С. 171; *Ефремова Л.С.* Латышская крестьянская семья в Латгалле, 1860—1939. Рига, 1982. С. 6; *Биленко М.В.* О мордовской семье XVII века // *Сов. этнография.* 1979. № 1. С. 93.
- ¹⁴ См.: *Фроянов И. Я.* Семья и вервь в Киевской Руси (по поводу статьи Ю.М. Рапова) // Там же. 1972. № 3. С. 94; *Чистов К. В.* Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. // *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами.* Л., 1977. С. 137.
- ¹⁵ См.: *Власова И. В.* Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII - первой половине XIX в. // *Сов. этнография.* 1980. № 3. С. 50; *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 105.
- ¹⁶ *Соловьев В. В.* Структура и численность крестьянской семьи... С. 37.

- ¹⁷ *Абашин С. Н.* Статистика как инструмент этнографического исследования // *Этногр. обозрение.* 1999. № 1. С. 14.
- ¹⁸ *Соловьев В. В.* Коми крестьянская семья XVIII — начала XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 6—7; *Александров В. А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // *История СССР.* 1981. № 3. С. 88, 90.
- ¹⁹ См.: *Щапов Я. Н.* Брак и семья в Древней Руси // *Вопросы истории.* 1970. № 10. С. 216.
- ²⁰ *Власова И. В.* Брак и семья у русских (XII — начало XX в.) // *Русские.* М., 1997. С. 418—419.
- ²¹ *Крюкова С. С.* Указ. соч. С. 40.
- ²² *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни... С. 58.
- ²³ *Крюкова С. С.* Указ. соч. С. 9-10.
- ²⁴ *Ласлет П.* История и общественные науки // *Философия и методология истории.* М., 1977. С. 212—213.
- ²⁵ См.: *Рапов Ю. М.* Была ли вервь «Русской правды» патронимией? // *Сов. этнография.* 1969. № 3. С. 109.
- ²⁶ См.: *Горемыкина В. И.* Об общине и индивидуальном хозяйстве Древней Руси // *История СССР.* 1973. № 5. С. 138.
- ²⁷ См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская правда // *Памятники русского права.* М., 1952. Вып. 1. С. 86; *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 7; *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 95.
- ²⁸ См.: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 87; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. 1. С. 64; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 27—28; *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 108.
- ²⁹ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 105.
- ³⁰ *Власова И. В.* Брак и семья у русских ... С. 416—419, 432.
- ³¹ *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 94.
- ³² *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 75.
- ³³ См.: *Ефремова Л. С.* Указ. соч. С. 6.
- ³⁴ *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971. С. 45; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVII в. М., 1978. С. 197.
- ³⁵ *Народы европейской части СССР.* М., 1964. Т. 1. С. 462; *Косвен М. О.* Указ. соч. С. 44.

- ³⁶ Вишневский А. Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи) // Проблемы ист. демографии СССР. Киев, 1988. С. 30.
- ³⁷ См.: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи...
- ³⁸ См.: Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. Устинов, 1985. С. 3.
- ³⁹ См., например: Народы европейской части... С.463; Очерки общей этнографии: Европейская часть СССР. М., 1968. С. 125; Бусыгин Е. П. и др. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973. С. 92; На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII—XX вв. М., 1989. С. 177—197; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 133; Этнография русского крестьянства Сибири, XVII — середина XIX в. М., 1981. С. 26; Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 93—94; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 76; Она же. Крестьянская семья в Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура) // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 12, 16—19, 25; Власова И. В. Структура и численность семей... С. 50; Кубанские станицы: Культурно-бытовые и этнические процессы на Кубани. М., 1967. С. 191. Заседателя Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С. 304.
- ⁴⁰ Александров В. А. Обычное право... С. 90.
- ⁴¹ См.: Швейковская Е. Н. Крестьянские семьи и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV—XVII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюз. симпозиума по изучению проблем аграр. истории. Вып. 1. Таллин. 1986. С. 7; Столяров А. А. К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX в. // Вопр. этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1987. С. 117; Соловьев В. В. Структура и численность крестьянской семьи... С. 38.
- ⁴² Вишневский А. Г. Роль исторического знания... С. 30.
- ⁴³ См.: Czup P. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era of Serfdom // The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978; Czup P. The Perennial Multiple Family Household, Mishino, Russia 1782—1858 // J. of Family History. 1982. № 7; Czup P. A Large Family: The Peasants Greatest Wealth. Serf Households in Mishino, Russia, 1814—1858 // Family Form in Historic Europe. Cambridge, 1983; Czup P. J. «Eine zahlreiche Familie — des Bauern groesster Reichthum — Leibeigenen Haushalte in Misino», Russland, 1814—1858 // Historischen Familienforschung. Frankfurt, 1980.
- ⁴⁴ Hoch S. Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights // J. of Interdisciplinary History. 1982. Nr 13 (2); Hoch S. Serfdom and Social Control in Russia. Petrovskoe, a Village in Tambou. Chicago, 1986.
- ⁴⁵ Mitterauer M., Kagan A. Russian and central European family structures: a comparative view // Journal of Family History. 1982. № 7; Mitterauer M., Kagan A. Russische und mitteleuropae-

---

ische Familienformen in Vergleich // Historisch-anthropologische Familienforschung: Herausgegeben Forgestellungen und Zugangsweisen. Wien, Koeln: Boelau, 1990, S. 150-186.

- ⁴⁶ См.: *Laslett P.* Introduction // Household and Famili in past time. Cambridge, 1972. Реферат «Введения» на русском языке см.: *Палли Х.Э.* Домохозяйство и семья в прошлом: сравнительное исследование размеров и структуры домашней группы в XVI-XIX вв. // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы и исследования. М., 1988. С. 53-59. (Более ранний вариант, но без цифровых и буквенных указаний типологии см.: *Ласлет П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132—157. Здесь же фактически дано описание жизненного цикла семьи.)
- ⁴⁷ См.: *Famili Forms in Historie Europe* / Ed. by R. Wall in Collaboration with J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983.
- ⁴⁸ *Абашии С. Н.* Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁹ См. об этом: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 32.
- ⁵⁰ *Соловьев В.В.* Структура и численность крестьянской семьи... С. 37—40.
- ⁵¹ *Бардина П. Е. и др.* [Рец. на кн.: Этнография русского крестьянства Сибири] // История СССР. 1984. № 4. С. 179.
- ⁵² См.: *Гришкина М. В.* Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII — первой половины XIX в. // Социально-демографические процессы в российской деревне... С. 151—152.
- ⁵³ См.: *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избр. тр. М., 1989. С. 217—218, 415, 418, 422—423, 429.